

Спокойный Линь Цинюй долго сидел на кровати и какое-то время не мог отличить сон от реальности. Он безучастно посмотрел на свою руку, как будто все еще помнил прикосновение к нижней части живота юноши, но не мог вспомнить лицо человека во сне.

Он только помнил, что мужчина был выше знакомого Лу Ваньчэна, «красивее», у него был лучший голос, и он мог легко поднять его. И... что еще?

Его память о юноше словно была покрыта пеленой, сколько ни вглядывался, он мог видеть лишь смутные очертания.

Хуа Лу принесла горячую воду, чтобы шаоцзюнь умылся. Линь Цинюй спросил ее: «Он снился тебе прошлой ночью?»

Глаза Хуа Лу снова покраснели, и она покачала головой.

Линь Цинюй медленно сложил ладони.

«Он возвращался».

«Что молодой господин сказал шаоцзюню?»

Линь Цинюй улыбнулся.

«Он такой же, как и раньше, не говорит о делах и несет бесполезную ерунду».

Эта скотина, он отказался назвать свое имя, его следовало подвесить и хорошенько избить.

Но, даже несмотря на пустые разговоры, атмосфера сна все равно теплая и ностальгическая. Жаль, что, когда он пробудился ото сна, ничего не осталось.

Линь Цинюй начал последовательно собирать вещи Лу Ваньчэна – нужно выбрать некоторые из них в качестве погребальных предметов*.

[Примечание: 陪葬品 / péizàngpǐn. Погребальный инвентарь; похоронные принадлежности; предметы, погребаемые вместе с покойником.]

Вещей было слишком много, поэтому он попросил Хуа Лу сначала перебрать их и оставить вещи, которые Лу Ваньчэн использовал в прошлом году. Если вещи слишком старые, то она может распорядиться ими по своему желанию.

Любимая мягкая одежда, нефритовая корона для волос, столовые приборы, используемые во

время еды, тоуху, в который он играл, прочитанные книги, птицы... с которыми он так весело играл в саду.

В первой половине года здоровье Лу Ваньчэна было не так уж плохо, он собирал много странных вещей, а также содержал и тренировал хвамей и майну. Позже его здоровье постепенно ухудшалось, и хвамей, и майна тоже умерли от болезни. Лу Ваньчэн лично устроил похороны двух птиц и напевал веселую мелодию, чтобы отправить их в дорогу. Он сказал, что эта мелодия называется «Черный человек, несущий гроб»*, и спросил, не хочет ли Линь Цинъюй выучить ее. Когда он умрет, пусть люди из Сюн Си сыграют эту песню на суоне, когда будут нести его гроб.

[Примечание: Думаю, многие знают этот клип о команде гробовщиков из Ганы (тут я не уверена (□□□)). Профессиональная команда весело и с танцами несет гроб с покойником. Если хотите, можете поискать.]

В то время он был слишком ленив, чтобы обращать внимание на глупости Лу Ваньчэна, и позволял говорить ему на ухо какие-то возмутительные вещи, не желая даже смотреть тому в лицо. К счастью, у него хорошая память, и даже если в то время он не обращал внимания, сейчас он может вспомнить множество деталей.

Лу Ваньчэн любит находить веселые занятия, которые не требуют от него активно двигаться. Однажды он внезапно сказал, что хочет знать, как жители Даюй бреют овец, поэтому попросил управляющего привезти из деревни овцу и состричь всю овечью шерсть у него на глазах.

«Если бы я был той овцой, то умер бы от смущения», — сказал Лу Ваньчэн, лежа в глубоком кресле.

Это самое любимое кресло Лу Ваньчэна, он любит лежать в нем на солнышке, покачиваясь и щурясь, точно ленивый кот.

Линь Цинъюй последовал примеру Лу Ваньчэна и лег в глубокое кресло, взял книгу и стал перелистывать и просматривать ее.

Его очень впечатлила эта книга, сборник народных повестей*. Лу Ваньчэн обвел имя убийцы на третьей странице, сделав невозможным дальнейшее чтение. Он написал слово «Заткнись!» и отдал книгу Лу Ваньчэну, и больше никогда не возвращался к ней. Он не ожидал, что Лу Ваньчэн ответит ему в книге.

[Примечание: □□ / huàběn. 1) хуабэнь, китайская городская народная повесть, возникшая из устного сказа; 2) вариант книги на разговорном языке, в отличие от оригинала на книжном литературном языке. Рукопись, по которой рассказчики рассказывают истории во времена династий Сун и Юань, написана популярными персонажами. В основе лежат исторические реалии и общественная жизнь того времени.]

«Этот человек – убийца».

«Заткнись!»

«В конце концов, меня поймал лекарь Линь! Простите недостойного! Кланяюсь в ноги».

Линь Цинъюй посмотрел на небрежный почерк, и уголки его рта слегка изогнулись.

Лу Ваньчэн всегда так себя ведет: сначала лишает людей дара речи, а затем быстро и искренне извиняется, отчего на него совершенно невозможно сердиться.

В то время Лу Ваньчэн еще был законченным лентяем и легкомысленным юношей из богатой семьи, ел и пил целыми днями, лежал в постели и отказывался встать. Когда это началось? Когда он стал таким же серьезным и хитрым, посвятив свою изобретательность и мысли делу?

В груди появилась легкая тупая боль, Линь Цинъюй закрыл книгу, все еще не в силах пролить слезы.

Может быть, он потерял то, чего не должен был иметь.

Месяц назад в кабинете Линь Цинъюй нашел шедевр Лу Ваньчэна. В своем письме тот заявил, что все приданое, оставленное родной матерью Вэнь, достается его вдове Линь. Во-вторых, он надеется, что дедушка обратится к императрице с предложением. Теперь, когда он мертв, дело брака Чун Си и супруги-мужчины должно на этом завершиться, и Линь Ши позволят вернуться в резиденцию Линь, и с тех пор брак, свадьба ли, похороны ли – они не имеют отношения друг с другом.

Когда Вэнь Ши выходила замуж, Вэнь Гогун приготовил для нее богатейшее приданное*. Прошло двадцать лет, а к приданному практически не прикасались, оно было сравнимо со всем семейным имуществом резиденции Линь.

[Примечание: □□□□. Это древний ханьский народный обычай, сцена выдачи дочери замуж. Люди часто используют «тысячи акров хороших полей, десять миль украшений и одежды», чтобы описать богатое приданое. По старому обычаю, когда жених приезжает за невестой в её дом, часть приданного: одежда, обувь, украшения и прочие мягкие и небольшие предметы отправляются вслед за свадебным паланкином. Остальная часть приданного: постельные принадлежности, большие предметы, как кровать, и маленькие как доска для ниток и веретено, носильщики относят в дом жениха. Женщины, следящие за выполнением обрядов на свадьбе, расставляют все и застилают кровать. Это обычно известно как «стелить кровать для новобрачных».]

Кроме того, после ухода Лу Ваньчэна Чжан Шицюань и Линь Цинъюй также подвели итоги. С тех пор как Чжан Шицюань взял на себя общие дела резиденции Хоу, он незаметно переписал

большую часть полей резиденции Хоу, загородные дома, документы на землю и магазины на имя Линь Цинюя.

В брачную ночь Лу Ваньчэн сказал, что, когда он умрет, Линь Цинюй заберет его наследство в резиденцию Линь, чтобы счастливо жить и чувствовать себя свободно и раскованно.

Лу Ваньчэн не лгал ему.

Оставалось только одно, что Лу Ваньчэн не исправил перед смертью.

«Шаоцзюнь, молодой господин Хоу не знал о проблеме с контрабандной солью в Сюйчжоу. Как вы думаете, что нам теперь делать?»

Линь Цинюй изначально хотел использовать этот вопрос, чтобы заставить Лян Ши подчиниться, попутно он бы воспользовался Лу Нянтао и сбросил ее вниз. Если бы Лу Нянтао действительно стала императорской наложницей и в будущем родила принца, это не принесло бы ему никакой пользы. Жаль, что прежде, чем он успел начать, мать и дочь самостоятельно довели себя до смерти.

Всего через год резиденция Наньань Хоу была на грани краха*, на нее обрушились смерть, безумие и болезни. Теперь можно просто подождать, пока Наньань Хоу больше не сможет держаться. В лучшем случае, он выйдет в отставку и вернется на родину, в худшем – скончается от болезни, так что ему не нужно ничего делать.

[Примечание: 危如累卵 / wēi rú lěi luǎn. Непрочно, как [готовая развалиться] куча яиц. В образном значении: угрожающее положение; критический, крайне опасный: готовый рухнуть.]

Скучно.

«Сначала сотрите все доказательства, и пусть они продолжают создавать проблемы, — сказал Линь Цинюй. — Может быть, это пригодится в будущем».

Чжан Шицюань уважительно сказал: «Да».

«Мастер, — поспешно вбежал в дом Хуань Тун, — к нам едет наследный принц, мастер Хоу попросил вас приготовиться к торжественной встрече».

И император, и императрица выразили свое отношение по поводу смерти Лу Ваньчэна, и Сяо Чэн, как наследный принц, не мог пренебречь этим вопросом. Он смог прийти в резиденцию Хоу, чтобы лично выразить соболезнования, – это можно считать выражением уважения Наньань Хоу.

Линь Цинюй знал, что такой день настанет.

«Понятно, я переоденусь и подойду».

Принца встречали у главных ворот резиденции Хоу, Наньань Хоу стоял при поддержке Пань Ши, а Линь Цинюй и другие члены клана стояли позади. Наньань Хоу думал, что наследный принц приедет с императорской наложницей, когда придет выразить соболезнования. Неожиданно принц приехал в одиночестве.

Сяо Чэн и Наньань Хоу обменялись обычными приветствиями, и это были лишь вежливые официальные слова, такие как «Сдержите свое горе и примите судьбу».

«Мы* хотели прийти в ваш дом раньше, чтобы проводить нашего младшего двоюродного брата, но при дворе очень много дел, и только сегодня мы смогли освободиться».

[Примечание: Всегда, когда вы видите «мы» в речи наследного принца, это значит он использует 朕 / gū - мы (-я) (мелкий князь о себе); наш (-мой).]

Император постепенно старел, он простыл после осенней охоты, и здоровье государя было не так хорошо, как раньше. Чтобы стабилизировать ситуацию при императорском дворе, императору пришлось позволить наследному принцу помочь стране. К тому же, Сяо Чэн взял на себя обязанности Наньань Хоу в Министерстве доходов, и можно сказать, что сейчас он на пике силы и влияния.

У Наньань Хоу осталась только одна дочь, поэтому он спросил о текущем положении императорской наложницы. Но Сяо Чэн лишь ограничился общими замечаниями: «Тело Лу Ши нездорово, и ей неудобно покидать дворец. Мы подадим три палочки благовоний для младшего двоюродного брата и от ее имени».

Линь Цинюй посмотрел за спину Сяо Чэна. Наследный принц был вдали от дворца и, кроме управляющего экипажем слуги, привел только двух императорских телохранителей. С подозрительностью Сяо Чэна он определенно не стал бы так небрежно относиться к собственной безопасности, должно быть, он спрятал множество теневых стражей в невидимых для других местах.

Наньань Хоу пригласил Сяо Чэна войти в резиденцию. Когда Сяо Чэн проходил мимо Линь Цинюя, его губы изогнулись в фальшивой улыбке.

Линь Цинюй первым отвел взгляд. Он не боялся смотреть на Сяо Чэна, но, если еще раз поймает сальный взгляд наследного принца, то никто не сможет спасти глаза того.

Группа прибыла в траурный зал. Как вдова Лу Ваньчэна, Линь Цинюй зажег шесть палочек благовоний и передал их Сяо Чэну.

Тот взял благовония и сказал голосом, который могли услышать только они двое: «Малыш Цинюй, ты похудел».

Линь Цинюй выглядел безразличным, как будто ничего не слышал.

Сяо Чэн посмотрел на табличку с именем* Лу Ваньчэна и медленно засмеялся: «Мы до сих пор помним слова нашего младшего двоюродного брата „Ничего не кончено, пока я не скажу, что все кончено“. Но что мы видим сейчас? Он лежит в гробу, а его душа отправилась на небеса. Перед Малышом Цинюй стоим лишь мы, разве это не считается концом?»

[Примечание: 牌位 / língwèi. Место души (табличка с именем умершего). Деревянный знак, временно установленный после смерти человека с написанным на нем именем умершего, который используется в качестве объекта поклонения.]

Сердце Линь Цинюя дрогнуло.

Да, пока этот человек не скажет, что все кончено, ничего не кончится.

Он воспрянул духом и сказал: «До Вашего высочества дошли слухи обо мне».

«Слухи?»

«С тех пор как я вышел замуж за Лу Ваньчэна, резиденция Наньань Хоу пережила много бедствий. Видно, что небеса не терпят брака между мужчинами».

«Малыш Цинюй что-то неправильно понял? — Сяо Чэн порочно улыбнулся и сказал: — Как мы можем жениться на мужчине? Все, что мне нужно — это твое лицо».

Линь Цинюй поднял ресницы.

«Ваше высочество... чего вы хотите?»

«Не нужно торопиться. — Сяо Чэн трижды слегка поклонился табличке с именем Лу Ваньчэна — казалось бы, он набожно воскуряет благовония, но говорит оскорбительные слова вдове покойного: — Охотьтесь терпеливо, чтобы отведать вкус самой лакомой добычи».

Ресницы Линь Цинюя снова опустились, и его рука потянулась к рукаву, как будто хотела что-то вытащить. Перед глазами Сяо Чэна вспыхнул белый свет — и прежде, чем он понял, что произошло, из ниоткуда появилась фигура и встала перед ним.

Линь Цинюй почувствовал острую боль в запястье, и его отбросило на несколько шагов назад,

но он смог устоять. Затем к его шее приставили длинный меч.

Служанка у гроба покойного закричала, но ей быстро закрыли рот. Внезапная перемена заставила присутствующих окаменеть от удивления. В траурном зале они увидели молодого человека в черной одежде с внушающим благоговейный трепет намерением убить, он держал длинный меч и безучастно смотрел на Линь Цинюя. По сравнению с Линь Цинюем, этот молодой человек чрезвычайно зауряден по внешности и комплекции, и, если его поместить в толпу, он потеряется. Но сейчас одним взмахом его руки кровь Линь Цинюя могла забрызгать все вокруг.

Линь Цинюй прошептал: «Шэнь Хуайши?»

В глазах молодого человека мелькнуло удивление.

Сяо Чэн недовольно сказал: «В чем дело? Зачем ты внезапно появился?»

Молодой человек кратко сказал: «В рукаве Линь шаоцзюня спрятан острый предмет».

Все замерли от ужаса. Попытка убить наследного принца – это серьезное преступление, караемое смертью всей семьи.

«О? — Сяо Чэн опасно прищурил глаза. — Линь шаоцзюнь хочет сделать что-то глупое перед гробом мужа?»

Линь Цинюй спокойно сказал: «Уважаемый теневой страж неправильно понял. — Он вынул то, что было спрятано в рукаве – это был всего лишь женский буяо. — Это любимая вещь молодого мастера Хоу. После того как молодой мастер ушел, я всегда носил его с собой, и у меня выработалась привычка время от времени вертеть буяо в руках. Неожиданно возникли такие недоразумения. Я надеюсь, Ваше высочество простит меня».

Сяо Чэн тщательно изучал Линь Цинюй, все остальные боялись даже дышать, пока он не сказал: «Возвращайся».

Молодой человек тут же убрал свой меч, опустил глаза и сказал: «Этот подчиненный заслуживает смерти».

После этого происшествия Сяо Чэн не задержался надолго. Линь Цинюй положил буяо к погребальным предметам – пусть тот сопровождает юношу в вечном сне, чтобы Ваньчэну было что вертеть в руках в загробном мире.

Пришло время вынести гроб с покойным из храма и отправить на погребение. Родовая

гробница семьи Лу находилась в Линьане, и Лу Байшуо поспешил в столицу, чтобы вернуть опавшие листья к их корням*. Как вдова, Линь Цинюй должен пойти с Лу Байшуо и отправить Лу Ваньчэна в последний путь.

[Примечание: 落叶归根 / luòyè guīgēn. Падающий лист возвращается к корням; образно – возвращаться на Родину после долгих скитаний. Вернуть мои останки, возвращение к корням. С родной земли - умри не сходи; наконец вернуться в родину.]

Приближается Новый год, после него Линь Цинюй планирует уехать на юг. В канун Нового года в резиденции Наньань Хоу не вывешивали куплеты о Празднике Весны, не запускали петарды и не принимали визиты родственников и друзей. Хотя Линь Цинюй думал о своих родителях и младшем брате, на Новый год он все же остался в резиденции Хоу, чтобы не подвергать тех слишком большой критике.

Он дал слугам Павильона Голубого Ветра выходной и встретил год с Хуань Туном. Хуань Тун приготовил горшок с клецками, и пока хозяин и слуга ели, вошел гость.

Ху Цзи был один в столице, и было неизбежно, что он почувствовал себя одиноким, когда все вокруг собирались большими семьями на праздник. Сначала он пошел в резиденцию Линь, и мать Линь накормила его и сказала, что, если ему нечего делать, он может пойти в гости в резиденцию Наньань Хоу. Итак, Ху Цзи пришел в гости и принес несколько пирожных, приготовленных матерью Линь.

Линь Цинюй поблагодарил его и спросил: «Моя мать в порядке?»

Ху Цзи сказал: «С госпожой все в порядке, я больше беспокоюсь о молодом господине, а также о господине, что так далеко в беспокойном Юнляне».

Линь Цинюй нахмурился. Прошло много времени с тех пор, как новости о Юнляне вернулись в столицу, и никаких новых новостей не поступало. Бои на северо-западе продолжались, жизнь и смерть генерала Гу были неопределенны, Линь Цинюй не знал, когда отец сможет вернуться.

Когда Ху Цзи услышал, что Линь Цинюй собирается на юг, он забеспокоился: «На юге бушует эпидемия, молодой мастер должен быть осторожен».

Линь Цинюй кивнул и сказал: «Хорошо».

Ху Цзи посидел немного, а затем встал, чтобы уйти. Линь Цинюй проводил его до ворот резиденции, а когда поднял глаза, то увидел мириады мерцающих огоньков и Млечный путь.

Итак, сегодня вечером старый год закончился, а завтра наступит новый год.

После той ночи душа юноши по имени Цзян больше никогда не приходила в его сны.

<http://bllate.org/book/15122/1336659>